

ЭЛИТА ИЛИ НОМЕНКЛАТУРА?

«Смена декораций»

Последние кадровые перестановки в правительстве не вызывают сомнений относительно смысла происходящей «смены декораций». Разочаровавшись в постсоветской элите, В.В. Путин решил вернуться к созданию российской (некогда советской) номенклатуры. К отряду «питерских» добавляются и другие региональные лидеры. «Проверенные» кадры получают неожиданные назначения. Главный вопрос, который мы обсуждаем сегодня – кто же возглавит пирамиду власти в ближайшие годы. Словно это и есть главная насущная проблема дня. Газеты полны комментариев, в которых с предельным глубокомыслием обсуждаются кадровые детали. Спрашивается, к примеру, почему Д. Медведева не назначают на пост премьера? Отвечают: потому что с точки зрения избирательных технологий: пост до срока может спалить репутацию главы правительства. Сейчас назначать его опасно. Пусть нарастит харизму, ее надо сохранить до лучших времен. Пускай процветают эти новые хозяева жизни. И все же - номенклатура бессмертна?

Хотя круг идей, выдвинутых в свое время немецким социологом М. Вебером, за последние годы подвергся основательной критике, фундаментальная идея веберовской социологии о том, что общественная динамика обеспечивается определенной элитой, осталось неизменным. Можно ли замыслить коренные преобразования общества и при этом не отдавать себе отчета в том, какие социальные силы приведут в движение реформы и кто, вообще говоря, возглавит этот процесс? Ответ очевиден. И вот новые назначенцы клянутся в верности избранному курсу. Озвучивается их «послужной список». Толкуют о неоспоримом управленческом опыте «новых командиров». И они отвечают на все это короткими речами, и маячит образ незабвенного генсека, готового прижать к груди преданных соколов. Это было недавно или это было давно?

Электорат мгновенно втягивается в очередное политшоу. Нас не интересуют уже человеческие и профессиональные качества новых руководителей. Эксперты, опираясь на едва различимые детали и нюансы, пытаются проникнуть в почти мистические тайны власти. Ну, кто, кто же, в конце концов, готовится к роли «преемника»? И вокруг этого секрета мучаются политические знатоки, разруливаются партийные союзы, кристаллизуются массовые ожидания, определяются индивидуальные судьбы правящих. Нам, пока еще в деликатной и ненавязчивой форме, объясняют: период кадровой анархии закончился, власть бессмертна и падает с неба как снег в крещенские морозы.

Между тем после классических работ М. Вебера, В. Парето, Г. Моски как-то неудобно разъяснять, что одним из самых мощнейших факторов общественного развития является мобильность, сменяемость элит. «Декаданс» элиты, - писал В. Парето, - находится в прямой зависимости от социальной мобильности, в которой она нуждается для своего обновления. Устойчивость социального свойства имеет в случае элиты тенденцию к ослаблению».

Каждый человек из собственного обыденного опыта знает, что один талантливый руководитель может обеспечить экономическое чудо, а иной замшелый бюрократ способен оставить после себя зыбучие пески пустыни на месте отдельно взятого оазиса. Названные классики, основываясь на огромном эмпирическом материале, показали, как благотворно отражается на социальной динамике обновление элит, что этот показатель в условиях спокойного развития общества является верным индикатором общественного прогресса. Напротив, консерватизм как способ существования элит не обеспечивает желаемого движения вперед.

Итальянец В. Парето ставил даже вопрос о бюрократической кристаллизации. Он негативно оценивал зарождающееся господство жестоких элит и огосударствление

экономики. Противоречивость его суждений по этому поводу связана только с одним нюансом – как быстро может произойти такая метаморфоза. Иногда эта перспектива казалась ему далекой, порой он считал, что такая преобращение может наступить быстро и неожиданно...

По образованию Парето был инженером и экономистом. Как инженер он наблюдал труд, создающий богатство. Как экономист либерального толка он анализировал поведение экономических субъектов, которые, отстаивая собственные интересы, способствуют росту ресурсов. Свободной инициативе экономических агентов он противопоставлял бюрократическую организацию. Политические и демагогические соображения, по его мнению, подталкивают государства к вмешательству в экономику, к национализации предприятий, перераспределению доходов и, таким образом, к постепенной замене конкуренции, потворствующей личной инициативе и росту ее влияния, бюрократическим порядкам, постепенно ведущим к означенной кристаллизации.

Однако в какой мере был прав Парето? Ведь очевидно, что если в обществе не сложилась национальная (общественная) элита, оно утратит стабильность. От элиты зависит уровень компетентности, социальной ответственности. Как обеспечить модернизацию общества без опоры на бюрократический слой социума?

Страна нуждается в чрезвычайно внушительном слое управленцев. В конце 60-х годов А.Н. Косыгин сделал попытку очистить слово «бюрократ» от негативной окраски. Заговорили о том, что стране нужны педантичные и исполнительные начальники, опытные руководители, жестко обеспечивающие исполнение принятых решений. В то время советские люди уже успели осознать трагический подтекст сталинского слогана «Кадры решают все». «Кадры» к тому времени уже показали, как они могут «руководить» судьбами людей и даже целых классов. Однако А.Н. Косыгин был прав: централизованное общество нуждалось в этом управленческом слое.

Но разросшийся бюрократический аппарат вскоре стал развиваться по собственной логике, не соотносимой с задачами общества. Разнообразные попытки «урезонить» бюрократию, обуздать ее влияние, оказывались безрезультатными. Бюрократия множится и любые реформы, включая последнюю административную, проведенную в России, только усиливает ее масштабность. Реализация национальных проектов потребовала усложнить управленческие механизмы в кабинете министров. Ради этой новой затеи пришлось отказаться от административной реформы. Она мирно угасла, едва получила старт. Не удивительно, ведь даже в 90-е годы реформаторы хотели «устроить» структуру кабинета министров, сократить аппарат и даже число вице-премьеров. Но всякий раз бюрократическая или политическая логика давала противоположный результат: высшее руководство исполнительной власти неустанно размножалось простым делением.

Современный чиновник обладает властью, о которой только может мечтать политик едва ли не любого ранга. Он опирается на инструкцию, которую сам же и творит. Он стал ключевой фигурой современного социального поля в России. Мы часто пользуемся сегодня такими терминами, как «олигархия», «бюрократия», «номенклатура», «элита». Слова эти, как правило, имеют негативную семантическую характеристику. Как бы вернуть этим понятиям их рабочий смысл и, освободившись от эмоциональных оценок, понять, что происходит в России. Отметим, что в разговорах об удвоении ВВП, партийном строительстве совершенно утонул вопрос предельной важности – кто правит страной, какова сегодня роль элиты, как она конструируется и каков ее потенциал.

Что такое элита?

Говоря об элите, некоторые современные исследователи называют ее «социальной средой». Разумеется, это абсолютно неверно, поскольку искажает самый смысл понятия. Общество не может рассматриваться как отдельное лицо, поскольку ценностные ориентации людей не совпадают. Парето часто пользовался выражением «общественная гетерогенность». Все общества, которые известны нам, предполагают

противопоставление массы управляемых индивидов небольшому числу индивидов, которые властвуют и которых Парето называет элитой. Если в социологии К. Маркса фундаментальное значение имеет классовое разделение, то в социологии Парето выступает различие между элитой и массой. Это различие свойственно все так называемой макиавеллиевской традиции.

Элита (от франц. *elite* – лучшее, отборное, избранное) – социальная группа («избранные»), члены которой выделяются в обществе особым, влиятельным или привилегированным, связанную с престижностью положением. Обладатели ведущих, господствующих позиций в социальной и политической сферах. У Парето два определения элиты: широкое, охватывающее всю общественную элиту, и узкое, прилагаемое к правящей элите.

В элиту в качестве составной части входит небольшое число тех индивидов, каждый из которых преуспел в своей области деятельности и достиг высшего эшелона профессиональной иерархии. Парето отмечает, что для той цели, которая преследуется в постановке данной проблемы, подошло бы любое другое название или даже простая буква алфавита. Что это означает? Данное определение, согласно паретовскому методу, объективно и нейтрально. Не следует искать особый моральный смысл понятия элиты. Нет оснований задаваться вопросом, подлинна или поддельна элита и кто имеет право быть в ней представленным. Все это пустые вопросы. Элиту составляют те, кто достоин хороших оценок в конкурсе жизни или вытянул счастливые номера в лотерее «общественной» жизни.

Следовательно, важно отказаться еще от одного предрассудка, который сидит в головах ряда экспертов. Дело в том, что несколько лет назад один известный отечественный социолог заявил, что у нас нет элиты, поскольку ее представители не являются лучшими, нравственными, отборными. Те, кто находится в высших эшелонах власти, не заслуживают, мол, этого названия. Между тем достоинство данного понятия именно в том, что оно позволяет оперировать им вне оценочно-презрительных обозначений. Парето пишет, что тому, кто сумел заработать миллионы (неважно, хорошо это или плохо) можно поставить высший балл. Ловкому жулику, который обманывает людей и не попадает под уголовный кодекс, мы поставим 8, 9 или 10 в зависимости от числа простопфиль, которых он заманил в свои сети, и количества денег, которые он выманил у них.

Казалось бы, все ясно. Формирование элиты зависит от множества факторов – является ли, к примеру, общество открытым или закрытым, стабильным или непостоянным, соревновательным или нет. Однако Парето все-таки вводит некий селективный фактор, позволяющий судить о тех, кто вошел в элиту. Вы можете разбогатеть криминальным способом и стать членом элиты. Но, скажем, правящая элита – это совсем иное. Незачем олигарху идти в политику, но если уж он сделал этот шаг, то мы можем судить по его судьбе о том, с каким обществом мы имеем дело. Любовницы абсолютных монархов или очень могущественных политиков часто входят в элиту благодаря либо красоте, либо уму. Но лишь часть из них, обладающая особыми способностями в сфере политики, будет играть определенную роль в управлении.

Общества отличаются природой своих элит, и особенно правящих элит. Действительно, все общества обладают некоей особенностью, которую моралист может расценить как достойную сожаления. Однако социолог обязан констатировать: ценности конкретного мира распределяются неравномерно. Еще более неодинаково «распыляются» престиж, власть или почести, связанные с политическим соперничеством. Это неравное распределение материальных и моральных ценностей возможно потому, что в конечном счете меньшинство управляет большинством, прибегая к двум типам средств: силе и хитрости.

Различение двух средств управления – силы и хитрости – это парафраз знаменитого противопоставления Макиавелли львов и лис. Политические элиты, естественно,

подразделяются на два семейства, одно из которых заслуживает быть названным семейством львов, ибо оно отдает явное предпочтение насилию, другое – семейством лис, поскольку оно тяготеет к изворотливости.

Согласно Парето, наиболее важное историческое явление – это жизнь и смерть правящего меньшинства, или, если воспользоваться иногда употребляемым им термином – аристократией. История, по знаменитой формуле Парето, кладбище аристократий. Общественная история – это история преемственности привилегированных меньшинств, которые формируются, борются, достигают власти, пользуются ею и приходят в упадок, чтобы быть замененными другими меньшинствами. «Этот феномен новых элит, пишет Парето, – которые в ходе непрерывной циркуляции возникают из нижних слоев общества, достигают высших слоев, расцветают, а затем приходят в упадок, разрушаются и исчезают, представляют собой одно из следствий истории, которое необходимо учитывать для понимания великих исторических движений». Отметим, для последующих рассуждений, два словосочетания – «циркуляция элит» и «великие исторические движения».

По мнению Парето, наиболее устойчивой может считаться английская элита, поскольку она оказалась наиболее виртуозной в своей динамичности: уже несколько веков она держит открытыми двери для некоторых, наиболее одаренных из числа тех, кто по рождению не принадлежит к привилегированным классам. Циркуляция элит – основной аспект того, что Парето называет общим строением общества. Критерии, согласно которым формируется представление об элите, подчинены изменениям в мировоззрении общества и общественной оценке тех или иных качеств, талантов, особенностей. От этого зависят также и признаки, по которым можно быть причисленным к элите.

Как же в разные периоды нашей отечественной истории формировалась элита? До отмены крепостного права в России элита рекрутировалась в основном из дворянства. Разумеется, в высшие эшелоны иногда проникали и разночинцы, то есть выходцы из городского и сельского населения. Но это случалось нечасто. После отмены крепостного права элита стала преобразоваться. К началу прошлого века сложился целый слой политических деятелей, деловых людей, ученых, военных, деятелей культуры, которые не могли похвастаться аристократическим происхождением. Но именно эти выходцы из нижних слоев (или их потомков) стал определяться облик России на стыке минувших столетий. Нет необходимости специально подчеркивать ту трансформацию элиты, которая произошла в связи с революцией. В России были ликвидированы сословные различия. В политическую, экономическую, культурную жизнь вовлеклись широкие слои населения, которым прежде этот путь был заказан. В то же время формирование элиты оказалось под жестким контролем. Его осуществляла правящая партия.

Постепенно в советском обществе сформировалась номенклатура. В рамках партии сложился монополистический привилегированный слой советской власти. Со времен он укрепил и узаконил свое положение. Номенклатура не только отгородила себя от общества, от народа, да и от всего мира. Даже внутри ее была воздвигнута иерархия чинов и социальных барьеров. Сейчас представляется интересным прочитать известную книгу М.С. Восленского «Номенклатура» (первое русское издание ее вышло в 1985 г.). В предисловии к ней Милован Джилас показывал, что с самого своего возникновения советская система проявила глубокую враждебность к «чуждым» социальным группам внутри собственного общества и к внешнему миру, к любой другой системе. Советская бюрократия воплотилась в партократию. Она стала рассматривать окружающий мир как враждебную силу. Цель такой системы – власть и господство над другими. Этому и посвятили себя ее руководители – партийные олигархи.

Сегодня в этой книге для нас наиболее значима глава, посвященная будущему номенклатуры. Сбылось ли реченное? М.С. Восленский отдавал предпочтение эволюционному пути, то есть перерастанию диктатуры номенклатуры в посленоменклатурный строй, то есть в либерализацию политического режима,

становлению современной рыночной системы хозяйства. Вместе с тем он задавался вопросом – не станет ли в России после ухода номенклатуры еще хуже: гражданская война, анархия, терроризм, хаос и одичание и в итоге – новая номенклатура? Не станут ли люди с ностальгией вспоминать о временах правления номенклатуры?

И все же М.С. Восленский склонялся к убеждению – рано или поздно в России произойдет смена элиты. К власти придут новые люди. Их положение будет определяться социальной и экономической компетентностью и ответственностью. Как же все произошло на самом деле? Каковы особенности формирования элиты в период истории, вызванной перестройкой?

М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» отмечал, что в ходе поэтапного развития товарно-денежных отношений или, если угодно, базирующегося на рынке капитализма на каждом новом его системном этапе происходит смена главного героя капиталистической экономики. Запрос на новую элиту был выражен, как теперь очевидно, в романе писателя Александра Бека «Новое назначение». В нем был обрисован советский управленец высочайшего уровня. Роман инициировал общественную дискуссию о реформе управления экономикой. Однако «революция управляющих» в нашей стране натолкнулась на огромные трудности.

Многие аналитики, в том числе и М.С. Восленский, были убеждены, что партократия исчезнет, как только в экономике станут складываться рыночные отношения. Однако именно в нашей стране этого не произошло. Перепуганная номенклатура на короткое время сдала позиции. Но тут же обнаружилось, что в России нет отряда технократов, обученных менеджеров, способных взять на себя ответственность за судьбы страны. Вот почему опыт партийных чиновников оказался востребованным.

Возвращаясь к своей статье «Жизнь и бессмертие номенклатуры» (Литературная газета от 13 ноября 1991 года. Вот что я написал тогда:

«Читаю в газете: «В райкомах КПСС сейчас тихо. Нет привычной суеты – бывшие партаппаратчики ищут себе новую работу. Отключены телефоны, на рабочих местах только дежурные». Воображение рисует трогательную картину. Толпы некогда привилегированных функционеров просматривают на стенде объявления о найме и уныло бредут дальше в сонмище безработных. Кое-кто просительно протягивает непреклонному кадровику трудовую книжку. Ей-богу, жалко неприкаянных. От безрадостной участи некогда всесильных увлажняются глаза.

Между тем на бирже труда оказались считанные единицы недавних партбоссов. А остальные? Время от времени в печати появляются сообщения о неожиданных сообщениях. Фамилии, как правило, знакомые, из партийного списка. Заново учреждается газета. Глядишь, лидер все тот же, с революционным стажем. Другая вывеска на издательстве. Но коллектив оказал доверие тому же директору. Кто же может провести корабль между рифов в эпоху свободных от здравого смысла цен? Есть и опыт, и связи. Наличествует и умение намекнуть строптивцу, что в коллективе в условиях приватизации останутся далеко не все...

Время от времени звонят знакомые, делятся подробностями. Оказывается, этот сановник за два дня до приглашения на новый пост очень переживал. Но, как выясняется, зря волновался. Спрашиваю о судьбе давнего патрона. Разъясняют: он теперь директор коммерческого издательства. Рождается изумительная до наивности мысль: «Почему же меня не зовут на столь перспективное место?» Вот этот, мой воображаемый соперник. Он ведь работал в ЦК. Выгнали с треском. И на другой работе тоже провалился. А надо же – не сгинул. Скорее – наоборот.

Конечно, грозному партийно-государственному монстру крепко врезали. Опечатали и самораспустили, нарекли преступным и выхватили награбленное. Описанный в печати чиновник, который едва успел выскочить из опечатанного здания, превратился в комический персонаж. Однако номенклатурные заслуги, судя по все, не списываются.

Строя социальные прогнозы, можно ли пройти мимо выявившейся тенденции? Одержав верхушечную победу над путчистами, проведя стремительные кадровые перемещения, мы почти успокоились: теперь повсюду наши... Между тем опасность нового переворота, схватки за власть становится едва ли не фатальной, поскольку прежнее номенклатурное ядро срачивается с новой, рождающейся авторитарностью. Это процесс, который разворачивается буквально на глазах»

В стране неслыханными темпами стала осуществляться незаконная приватизация. Партийная элита начала самочинно завладевать собственностью. Бонзы партии пересаживались в кресла коммерсантов, в малые предприятия, синдикаты, ассоциации. Феномен обрел обвальный характер. Приватизация в 90-х годах преследовала лишь одну цель – сохранить власть прежней элиты. Зам. Генпрокурора России В. Колесников считает, что приватизация была и стихийна, и криминальна. По остаточному принципу продавалось все, что было в стране. Особенно от приватизации пострадали оборонка, авиа- и судостроение. Самолеты пошли на каstrули, авианосцы на металлолом, а торговые суда были проданы за бесценок в оффшорные зоны. Последствия ощущаются до сих пор. В первом полугодии 2005 года пятая часть всех преступлений связана с незаконной приватизацией и переделом собственности.

Но позвольте – разве в прежней номенклатуре не было прекрасных специалистов, деловых людей? Разумно ли было вычеркивать из списка этот социальный слой? Другая элита складывалась стихийно и медленно, стало быть, рассуждая объективно, это был единственный путь перехода к новым структурам. Пускай партайгеноссы переучиваются в коммерсантов, предпринимателей, организаторов бизнеса.

При развитии рынке такая перспектива, возможно, выглядит весьма логично. Но в стране, где никак не удается промыслить до конца характер реформ, ждать социальной мобильности бессмысленно. Партаппаратчики, оказавшись на командных высотах производства, повели себя в соответствии с тем менталитетом, который выработался за долгие десятилетия. Они стали добиваться хозяйственной монополии, которая так пагубна в условиях либерализации цен. Ни жить, ни мыслить они иначе не умели. Здесь возник один из опаснейших симптомов незаметного еще в то время социального конфликта. Некоторые эксперты полагали, что партия обессилела и не представляла опасности как возможный организатор путча. Такое представление, как показало время, оказалось наивным: у партократии выявились и иные способы выживания и защиты.

Рынок, который складывается в нашей стране, обрел азиатские формы. Он выстроился по партийным лекалам. Такого исхода М.С. Восленский не мог предвидеть. Да, размышлял он, командный слой оказался живучим. Но не следует бросаться в крайность, полагать, что царствию номенклатуры не будет конца. Всему на свете бывает предел. Не увернуться от него и номенклатуре...

На что можно было надеяться? Как мог повести себя новый командный слой общества? Был ли он способен отрешиться от прежних номенклатурных замашек? Нам всем пришлось уяснить, что номенклатура – это не список, который можно перечеркнуть или переписать. Это особый способ формирования господствующего класса, который складывался на протяжении десятилетий. Кто же сегодня претендует на высокое положение во властных структурах – олигархи, чиновники или менеджеры?

Олигархи как могикане

Приватизация осуществлялась в нашей стране в гротескных формах. Но кто же прорвался к рычагам рыночной экономики, к государственным постам? Известный социолог Л.Г. Ионин несколько лет назад отмечал, что важнейшей особенностью новой российской модели элитообразования является «растворение» государственных интересов в партикулярных и высокая степень «приватизации» институтов государства и гражданского общества кланово-корпоративными структурами, претендующими на замещение государства и выполнение его функций. Существенное ослабление роли

последнего в этот период не было «побочным продуктом» процесса трансформации российского общества или простой случайностью, именно государственные ресурсы – финансовые, административные, политические и иные – стали источниками влияния крупнейших политико-финансовых структур. Л.Г. Ионин писал: «Подобная система отношений государства с кланово-корпоративными структурами существенно отличается от современного западного стандарта. Достаточно сказать о тенденции квазифеодализации модели элитообразования, о чем свидетельствует высокая степень самодостаточности корпоративных структур и приватизация ими прерогатив публичной власти. Таким образом, в России 90-х годов произошла реконструкция европейской модели элитообразования, но феодальной, а не современной Европы, ибо для сегодняшнего Запада характерно сохранение автономности государства по отношению к кланово-корпоративным структурам» (Ионин Л.Г. Бюрократия или олигархия? НГ – сценарии, 2000, № 3, с. 15).

Ненависть к олигархам сегодня очевидна. Но разве бюрократический слой, созданный для того, чтобы обуздать богатеньких, действительно антипод олигархам?. Нет же, ведь во время залоговых аукционов правительство само их раздавало. Кого же винить, если ни тех, кто заведовал распределением. Чиновники не обделили себя. Огромные богатства они положили себе сами. Однако общественность гневается на олигархов, а не на бывших министров, замминистров, гендиректоров. А ведь в рамках «директорской приватизации» заводы и отрасли достались чиновникам «на халяву» в отличие от залоговых аукционов, когда скромные деньги все-таки были уплачены. Кто же прорвался к рычагам рыночной экономики? Кто провел приватизацию в гротескных формах?

Либерально-олигархические круги еще обладают в России реальной властью. «Уроки Ходорковского» усвоены, но мечта о возможном возвращении во власть осталась. Властвующая элита собирает по крохам некогда подаренную собственность. Чем чревата такая ползучая национализация? Не появится ли вместо частников-олигархов новый слой – бюрократы- олигархи? Если прежняя элита стремилась плохо или хорошо осваивать современные методы управления, то чиновникам проще проявить себя в качестве воров-временщиков.

В начале 90-х годов пионерами в этом деле оказались правительственные чиновники. Уйдя с госслужбы в отставку, первый вице-премьер Виктор Илюшин, например, возглавил холдинг «Газ-пром-Медиа», министр иностранных дел Андрей Козырев стал одним из топ-менеджеров американской компании ICN, глава Комитета по банкротствам Петр Мостовой – первым президентом «АЛРОСА», вице-премьер Олег Сысуев- вице-президентом Альфа-банка. И это далеко не все примеры удачного «трудоустройства» госчиновников.

«В последнее время, - пишет В. Костиков, - все труднее разобраться, где кончается государственный сектор, а где начинается частный. По сути дела, у нас укореняется «бюрократический капитализм». У нас многие чиновники находятся одновременно и на службе государства и занимаются своим бизнесом. Это дает возможность фактически бесконтрольно переносить из государственного кармана в свой личный столько денег, сколько позволяет совесть. Или ее отсутствие. Количество миллионов, выведенных за границу, и особняков, принадлежащих крупным госслужащим в ближайшем Подмосковье, говорит о том, что чиновничья совесть позволяет многое».

Да, на повестку дня выходит потребность в мощном антибюрократическом и антикоррупционном наступлении.

Сегодня общественное внимание привлечено к разного рода популистским программам. Толкуют о контроле, о поддержке программ со стороны разных групп населения. Затея эта по определению чиновничья. Повышение жизненного уровня людей – это постоянные и мучительные усилия, а вовсе не проект, внутри которого конкуренты ждут подачек. Сама идея государственного проекта не вызывает возражений. Это вполне рыночная практика. Вспомним, что царская Россия внесла солидный капитал в

сооружение Транссиба. В США сегодня действуют многочисленные приоритетные программы. Однако наше правительство поддерживает не предпринимателя, а бюджетника. А почему, к примеру, нет никаких инициатив, связанных с укреплением малого и среднего бизнеса. И каким образом в будущем власть сможет поддержать растущие ожидания широких слоев врачей, педагогов, крестьян? Намечаемые инициативы уже поспешно назвали «социальной революцией» сверху. Однако не слишком ли торопливо?

В буржуазных странах правящая элита формируется, как правило, из ядра победившей партии. Именно с такой командой и приходит новый харизматик. Но В.В. Путин – внепартийный лидер. Ему приходится опираться на назначенцев, которых он, судя по всему, бережет, даже в тех случаях, когда они опозорились или доказали свою непрофессиональность. Между тем для реализации далеко идущих планов стране нужны не преданные бюрократы, а компетентные менеджеры. Однако в стране по-прежнему делается расчет на управленцев.

Чем же отличается управленец от менеджера? Управлять можно с помощью хорошо отработанных бюрократических навыков. Госплан в свое время тоже «руководил» и «распределял». Однако во многих странах элиту составляют именно менеджеры, специалисты, имеющие профессиональный опыт и умение. Но процесс технократизации в России не получил широкого размаха. Конечно, в стране есть топ-менеджеры, которые получили образование в Англии, Америке, Голландии и Франции. Они сумели обзавестись связями и опытом работы в цивилизованном бизнесе. Среди них немало финансовых гениев и умелых менеджеров. Но класс управленцев по-прежнему сегодня не сдает позиций новым технократам.

«Пропустить через демократию»

Воюя против олигархов, мы совершенно проглядели новый феномен в жизни нашего общества – рост чиновничества. Разумеется, речь идет не о численности бюрократов, а о той новой роли, которую возложила на нее господствующая власть. Главная задача номенклатурно-олигархической демократии – состояла в том, чтобы разрушить советскую государственно-бюрократическую машину. Конечно, Б.Н. Ельцин понимал, что управлять страной с «завлабами» и правозащитниками, «новыми демократами», воспитанными на идеях своеволия, невозможно. Поэтому он стал «вводить» в элиту советскую номенклатуру. Вместе с тем главная задача, которая делала невозможной реставрацию бюрократического социализма, казалось, выполненной.

Однако сегодня новая власть берет реванш. Если во время демократизации на политическом горизонте то и дело возникали новые фигуры, выдвинутые драматичными событиями российской истории, то теперь, похоже, настало время «назначенцев». Выстраивание вертикали власти, создание однопартийной системы, имитация демократических институтов выполняет хитроумную задачу, суть которой в советское время выразил один председатель колхоза: «Решение я уже принял, а теперь нужно пропустить его через демократию». Политические назначения были и в прежнее время. М. Горбачев сделал Э. Шеварднадзе министром иностранных дел, а инженера-строителя В. Бакатина сначала главой МВД СССР, а потом председателем КГБ СССР. Б. Ельцин отправил руководить МИДом разведчика-востоковеда Е. Примакова. Но, как отмечают эксперты, если раньше политические назначения были исключением из правила, то сейчас они становятся нормой.

Теперь еще раз вернемся к мысли Парето о том, что истолкование элиты должно быть свободно от эмоционально-оценочных трактовок. Элита существует объективно как высший слой общества, независимо от путей, которые ведут в нее. Какая разница между появлением А. Коржакова в ельцинской команде или стремительной карьерой Грефа, возвышением королем мадам де Помпадур и назначением А. Пугачевой в Общественную палату решением президента? Существенной разницы, разумеется, нет. Однако

чрезвычайно важно, открыты ли поры социального организма, задействованы ли демократические механизмы, позволяющие пройти в высшие эшелоны власти из «низов». В свое время, когда умер первый секретарь ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаев, кадровики в поисках преемника просмотрели более 500 кандидатов. Однако среди «кунаков» не нашлось достойного. За одним водились грешки, другой – не занимал крупных постов, третий – не располагал достаточной хваткой и хитростью. Но ведь искали-то кандидата среди узкого круга назначенцев. Никому не пришло бы в голову предложить на этот пост мало известного, но, безусловно, талантливого лидера. Его и не было в номенклатурном списке.

К.У. Черненко, будучи генсеком, издал распоряжение не брать в аппарат ЦК КПСС людей, имеющих научную степень, если они не имели опыта партийной работы. И что же оказалось? Человек, увлеченный наукой и осознающий свою полезность партии, оказывается, всего лишь заведовал кафедрой, а другой, уже побывавший в партийном аппарате, имел ученую степень в качестве декоративного довеска. Часто вспоминаю один разговор, который состоялся у меня в советские годы с заведующим отделом одного крупного института. Увидев меня, он спросил: «нет ли у меня знакомого молодого человека, члена партии, знающего три-четыре иностранных языка, с опытом работы на кафедре?» «А в чем дело? – спросил я. Он ответил: «у меня освободилось место младшего научного сотрудника». Я ему ответил: «Если на свете существует такой красавчик, то он плевать хотел на вашу вакансию».

Похоже, те времена возвращаются. Мы ощущаем огромную кадровую нехватку. Слой элиты постоянно утончается. Это стало заметным при комплектовании Общественной палаты. Оказалось, что наш выбор предельно ограничен. Конечно, кандидаты есть, но кто-то уже «засветился», кто-то не обладает государственным кругозором, а кто-то уже неосторожно проявил свою нелояльность по отношению к президенту.

Специфическое выявление этой проблемы обнаружилось в статье академика А. Петровского «Интеллигенция при наличии отсутствия» (ЛГ, 2005, номер 43). По мнению ученого, интеллигенция сегодня претендует на роль условной группы. Иначе говоря, ее попросту не существует. Рассматривая различные признаки данной группы – либеральность, образованность, креативность, оппозиционность, интеллектуальность, просветительство, демократичность, А. Петровский приходит к выводу, что ни один из этих критериев не выдерживает прочности. «Подведем итоги: нет системообразующего фундаментального дифференцирующего критерия, который мог бы выделить интеллигенцию как условную группу. Интеллигентные люди – это реальность, а интеллигенция как некая социальная общность – фикция, мираж, фантом. А понятия, которые пользуются для ее описания – идеологемы, мифологемы, псевдопонятия», - пишет доктор психологических наук.

Дискуссия по этому поводу в газете явно не задалась. Возражения академику носят частный характер. Похоже, все согласились: в современном обществе нет интеллигенции. Конечно, с философской точки зрения такой вывод неверен. Ведь многие теоретические понятия носят характер «идеального типа» (по М. Веберу). Ведь реального капитализма, который немецкий социолог описал через череду признаков, тоже не было ни в одной стране. Однако «капитализм» - не мираж. В России есть капиталисты, но нет буржуазии как сложившегося социального слоя. Но странно было бы утверждать, что «буржуазия» - это мираж. Да, разумеется, с интеллигенцией как реальной, манифестально заявившей о себе социальной страте, в нашей стране туговато. Но разве это отменяет в принципе наличие желаемых в обществе признаков интеллигенции?

В той же мере можно поставить под сомнение возможность буржуазии в нашей стране.

В печати отмечается, что российская буржуазия не имеет в своих рядах ни Генри Форда, ни Билла Гейтса. Действительно, сложилось курьезное положение. В стране идет

капиталистическое развитие. Но национальной буржуазии нет. Нет оснований назвать буржуазией группу людей, которые обогатились в результате приватизации. Они любят называть себя элитой. Но многие качества, необходимые для буржуазии, например, следование протестантской или социальной этике, у них отсутствуют. Власть же либо боится крупного капитала, либо ищет союза с ним.

Еще один социальный парадокс. Разрыв между богатыми и бедными становится все более разительным. Однако жизненный уровень людей, живущих в разных районах страны, оказывается различным. Страна одна, но такое впечатление, что многие живут в разных государствах. Такое положение рождает серьезные трудности для социальной самоидентификации. Между тем ни элита, ни масса не консолидируются без возможностей самоотождествления. В нашей стране широкие слои населения выполняют роль массовки в ситуации, когда возникает противостояние элит.

Современная элита страдает однобокостью. Она носит характер флюса. Вспомните, в годы перестройки по телевидению могли показать вечер вопросов и ответов заслуженного учителя страны. Шло реальное состязание новых научных имен, тех, кто отваживался предложить собственный план развития России. Журналы печатали материалы мало кому известных в то время публицистов и ученых. Академики шли во власть. А что сегодня? Формирование общественного мнения доверено поп-звезде, которая заметила всех собственным разводом...

Социология показывает, что элита отличается не только избранностью. Она еще и разнообразна. Можно различать, к примеру, родовую элитарность, скажем, наследование дворянского титула или родительских заслуг. Эксперты говорят о приобретенной (буквально ценностной) элитарности. Речь идет об обладателях государственных, социальных постов, имеющих особый авторитет в глазах общественности. В нашей стране многие ключевые посты утратили престижность благодаря личным «достоинствам» тех, кто их занимал. Можно выделить властную элитарность, носителями которой являются люди, занимающие ключевые позиции во власти. Наконец, функциональную элитарность, которая относится к лицам, имеющим особую профессиональную квалификацию для исполнения определенных, исключительно важных функций.

Но что мы имеем в реальности? Бывший «киндер-сюрприз», брошенный на атомный плацдарм, застенчиво заявляет, что рассматривает свое пребывание на этом посту как возможность «подучиться». Почему-то этот курьез остается незамеченным. Как бы среди возможных претендентов не объявился умелец, готовый «набраться знаний» на посту президента.

В стране начался новый этап передела собственности. Разумеется, мы узнаем и новые имена. Однако обогатит ли это российскую элиту. Кто окажется коварнее и упорнее в борьбе за жирный кусок собственности – это совсем иной аспект реальности... Недаром Ф. Хайек в работе «Дорога к рабству» написал о власти «худших».

В прошлом году под Новый год В. Познер пригласил в студию Г. Грефа. В числе прочих он задал ему вопрос: будем ли мы жить лучше в новом году? Да, - ответил Греф, - безусловно. – Но почему? Потому что мы стали руководить системно. И вот прошел год: миллионы пенсионеров ощутили на себе пресловутую планомерность, каждый испытал на себе прелести инфляции. Действительно, жуть стала лучше, но еще не стало веселей...

В этом маленьком эпизоде, как мне кажется, отражен безмерный отрыв бюрократов от народа. Разве зрители, собравшиеся у экрана, понимают, про что рассказывает министр? Неужели в предновогоднюю ночь нужно именно так беседовать с людьми, толкуя про системность, более уместную, может быть, в кругу экспертов. Бюрократы давно уже живут в собственном мире, где правят бал иная логика, иные принципы и иная лексика. Если спросить Грефа, отчего не сбился его прогноз, он ответит, вероятно: желаемая системность не сложилась...

Современный чиновник имеет сегодня безграничную власть. Едва ли не впервые в российской истории он ощутил свою полную безнаказанность. Похоже, президент и его

администрация на самом деле убеждены в том, что после избрания В.В. Путина, народ предоставил ему безоговорочное право назначать президентов страны. Разрыв между элитой (деловой и политической) в нашей стране огромен. Идет массивное наступление на демократические институты. Помнится, еще при советской власти Н.С. Хрущев сделал наезд на академию наук. Однако ему пришлось отступить: не стоило ссориться с мозговым трестом страны. Сегодня министр науки и образования распоряжается «умами» с отвязностью феодала, которому надобно прогнать крепостных девок из господского подворья. Мнение научной элиты относительно задуманной реформы никого не интересует.

Телевизионная камера, отправленная однажды для того, чтобы показать будни бывшего министра печати В. Лисина, застала его в момент крайнего воодушевления при открытии совещания: «Бабки надо делать, бабки!» - напутствовал он подчиненных. В мыслях о бабках рассуждают сегодня бюрократы и о том, что во главе научных коллективов (и даже Академии наук) оказались топ-менеджеры, понимающий толк в этом вопросе.

Одна склочная преподавательница, работающая вместе со мной на кафедре, написала в Министерство науки и образования жалобу. Такие письма-доносы она отправляла по разным адресам и везде знакомый до боли стиль позволял адресатам отправлять послания в корзину для бумаг. Однако иначе поступили в министерстве. Я никогда бы не поверил, что абсурдная во всех отношениях бумага превратится в государственный документ. Прибывшая комиссия вела себя так, словно это «революционная тройка». Царила даже не презумция виновности, а презумция расправы. Я рассказал об этом директору одного из престижных научных институтов и он посвятил меня в тайны разного рода аккредитаций и аттестаций, когда чиновники ведут себя хуже тургеневских барынь...

В чиновничьих кабинетах плодятся инструкции. Они становятся все более абсурдными. Разумеется, важно, к примеру, улучшать качество образования. Но какое отношение к этому имеет формальный контроль бесконечных бумажных предписаний, которые обрушивается на преподавателей. Приходится думать уже не о самом процессе образования, а о формальной отчетности, которая как раз и открывает дорогу для злоупотреблений. Сейчас в стране образовательный бум. Специалисты хотят получить дополнительные знания в разных областях науки, которая стремительно развивается и потому требует обновления. Казалось бы, знание востребовано на рынке, и нужно ответить на этот запрос. Каков здесь критерий? Ясное дело, удовлетворены ли сами обучающиеся. На самом деле дополнительное образование обставлено таким количеством препон, что лучше вообще от него отказаться.

Чиновник решает социальные проблемы с прямолинейностью ненаказуемого бюрократа. В ближайшее время сотня рынков в Москве будет снесена. Газеты сообщают, что на освободившемся месте откроют торговые, торгово-развлекательные и развлекательные центры. Обычный рынок – для средних слоев населения, развлекательный торговый центр - для богатых. Ангар из стекла и бетона, отмечает писатель Л. Жуховицкий, с шикарными прилавками витринной красоты, освещенными изнутри и снаружи, лучше тесных ларьков и тем более деревянных рядов. Однако смысл происходящего иной. Чиновника не устраивает, когда товар идет прямым от продавца к покупателю. Он и здесь пытается выгодно внедриться и получить навар.

Предстоящие выборы в Госдуму призваны закрепить победу однопартийности. Это цель правящей номенклатуры. Да ведь и не видно других партий, способных оказать влияние на общественность. В качестве курьеза можно сослаться на такой факт. М. Касьянов готовится к выборам президента и даже предлагает собственные предвыборные лозунги. Один из них обещание в случае прихода к власти «сказать всю правду». Чего-чего, а правды-то избиратели накушались вдоволь. В том числе и о самом претенденте.

Как бедны «протестные» программы, как мало новых имен, новых фигур. Вместо создания гражданского общества власть клонирует различные движения и объединения,

которые разрушают естественный процесс демократического обновления элит. Управляемая демократия ведет к пропасти.

х х х

Элиты существуют во всех обществах. Именно эти национальные, государственные, политические, культурные и иные элиты и определяют лицо того или иного общества. По мнению немецкого социолога Е. Мангейма, первое воздействие либерального сознания на образование элиты находит свое выражение в разрастании элитарных групп. В демократическом массовом обществе уже ни одна из этих групп не может утвердиться, чтобы накладывать свой отпечаток на общество. Но это не про нас. В современном сознании укрепляется другая мифологема. Ради обеспечения стабильности в России нужно «подморозить» и процесс формирования элиты. На смену номенклатурно-олигархической демократии Ельцина пришла номенклатурно-управляемая демократия Путина. Смысл ее в том, чтобы решить кадровую проблему в узком кругу «питерских» или «силовиков».

Демократическому и либеральному устройству можно предъявить немало обвинений. Однако важно признать и его преимущество: при всех издержках своего развития оно оставляет открытой возможность для спонтанного образования противоположных течений и коррекций. Значительное достоинство либеральной структуры даже на стадии массового общества – невероятная гибкость. Наше общество утрачивает эту гибкость. Власть закупоривает поры социального организма, полагая, что именно в этом источник ее устойчивости. Однако такая политика, напротив, не снижает социальной напряженности, а накапливает его в глубинах общественного бытия. В этом грозное провозвестие нашего времени.